

## ЧАСТЬ 2

# СОВРЕМЕННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС: НАУКА, УПРАВЛЕНИЕ, ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО

Юрий Гранин

### Модернизация России: без науки и образования?

В последние год-другой, особенно с началом мирового экономического кризиса, термин модернизация из работ отечественных социальных философов и социологов спешно перекочевал в лексикон политических деятелей и государственные документы. При президенте России даже создана специальная комиссия по модернизации, ориентирами деятельности которой стали обозначенные в Послании ФС Д.А.Медведева пять приоритетных направлений: *внедрение новейших медицинских, энергетических и информационных технологий, развитие космических и телекоммуникационных систем, радикальное повышение энергоэффективности*. Несмотря на то что в нашумевшей статье «Россия, вперед!» президент использовал термин «модернизация» в более широком значении, включив в его состав «модернизацию российской демократии» и «формирование новой (умной) экономики», беспристрастные политкомментаторы сразу же определили, что модернизация интерпретируется Кремлем главным образом в технологическом ключе.

Более того. По мнению некоторых, когда-то влиятельных аналитиков провозглашенная политика модернизации в действительности есть не что иное, как «прогрессизм» – инструментальный ответ на геополитические вызовы без четко обозначенной цели, позволяющий власти инициировать политику «чрезвычайщины» и позиционировать себя в качестве «инновационной». «Этой власти, – констатирует Глеб Павловский, – “все по плечу”. В прошлом любая экстремальная задача решалась силами команды, собиравшейся ad

нос, – и последняя из таких команд управляет Россией. Естественно, она уверена, что любая будущая задача может быть решена таким же способом. Если бы оказалось, что судьба России зависит не от инноваций, а скажем, от полета на Юпитер, – власть организовала бы полет на этот чертов Юпитер. Если бы для единства России требовалось доказать физическую теорию струн, Кремль созвал бы математиков, и Сурков требовал бы строить Большой андронный коллайдер для поиска этих чертовых “струн”... Поэтому Кремль не опасается упреков Ясина в “дефектной демократии” – любой опасный дефект становится толчком к *креативному выпадку, инновационной экспансии* в иную область»<sup>1</sup>.

Итак, если верить Павловскому, не имея долгосрочной стратегии развития, «инновационная власть» вместо модернизации занимается «прогрессизмом», с характерным для последнего краткосрочностью целей, что «автоматически наделяет власть уникальной легитимностью»<sup>2</sup>. С другой стороны, если верить А.Рябову, модернизация России уже давно началась. Но ей сознательно препятствуют консервативно настроенные властные элиты, которые возрождают социальную архаику, дабы остановить модернизационные процессы, начатые в конце 1980-х – начале 1990-х гг.<sup>3</sup>. Кто прав? Не вдаваясь в полемику, замечу очевидное: и официальная власть, и ее политические оппоненты, и, добавлю, многочисленные исследователи наделяют термин «модернизация» разным содержанием. Так что же такое «модернизация» и какую роль должны играть наука и образование в ее осуществлении? Отвечая на эти вопросы, следует обратиться к истории возникновения термина, его содержательным теоретическим интерпретациям и, безусловно, к истории модернизаций разных стран, не исключая России. Начать целесообразно с появления концепций модернизации и их критики, результаты которой позволили существенным образом переосмыслить процесс мировой динамики XVII–XX столетий.

\* \* \*

Прежде всего отметим, что теоретический дискурс о модернизации крайне разнообразен и методологически противоречив. Поэтому, не вдаваясь в подробности, интересные узким специали-

стам, обратим внимание на общеупотребительное значение термина: «модерн» – т. е. современность – эпоха в развитии капитализма, начало которой датируется Новым временем. Именно тогда, полагали основоположники теории модернизации Р.Арон, У.Ростов, Ш.Эйзенштадт и др., первоначально локализованная в странах Западной Европы, а затем распространившаяся, по всему миру, сформировались *modernity (современность)* – наилучшая («современная») хозяйственная система и одновременно передовые тип общественного (экономического, социального и политического) развития и тип общества, выступающие для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования.

Эта точка зрения, интерпретирующая историю человечества XVI–XX столетий с позиций европоцентризма, была господствующей вплоть до начала 1970-х гг. Ее основной постулат: все общества проходят некие эволюционные стадии роста на пути от примитивной, статичной и функционально неразделенной «традиционности» к «современности», характеризуемой *выделенной персональностью, преобладанием инноваций над традициями, инновационной динамичностью, рациональным научным управлением, неуклонным материальным ростом, новым типом государственности (суверенное правовое демократическое государство), дифференциацией на функциональные сферы экономики, политики и культуры*. Тем самым всемирно-исторический процесс интерпретировался в виде некоего линейного прогресса с эксплицитно заданной, и как позже выяснилось, идеологически окрашенной целью: предполагалось, что все страны должны стремиться достичь высшего уровня современности, воплощением которого были США. Не случайно именно в 1950–1960 гг. большинство «традиционных» стран мира, образовавшихся на обломках мировой системы колониализма, были названы американскими теоретиками модернизации «развивающимися», а идея естественноисторического развития социальных форм жизни была сдана в теоретические архивы.

В начале 1970-х ее извлекли оттуда последователи Фернана Броделя – основоположник мир-системного подхода И.Валлерстайн и его коллеги А.Бергезен, Ф.Борншир, К.Чейз-Дан, С.Амин, А.Франк и др., занявшиеся изучением истории становле-

ния глобальной системы капитализма. Методологическая база мир-системной теории формировалась *на стыке* принципов марксизма и французской исторической школы «Анналов». Вслед за Броделем мир-системники отказываются от идей развития и линейного прогресса, заменяя их категорией «время большой длительности» (*«la longue durue»*)<sup>4</sup>, заключающей в себе не просто монолинейный процесс развития, но и «время событий», «время структур», циклическое (или конъюнктурное) время. В мир-системном анализе получают новое звучание такие броделевские категории, как «мир-экономика», «геоистория», «глобальная история».

Важно иметь в виду, что мир-системная теория предложила новую методологию изучения социальной реальности, отличную не только от господствовавших в западной социологии того времени концепций модернизации, но и от структурного функционализма Т.Парсонса. Последний понимал общество как «социальную систему», как «систему в состоянии покоя», а социальное развитие представлялось им в виде цепи, звеньями которой служат статистические типы общества. В отличие от Парсонса, *Валлерстайн меняет представление о фундаментальных объектах исследования*. Он отказывается от самого понятия «общество» и заменяет его концептом *«историческая система»*, подчеркивая тем самым непрерывную динамику общественных процессов, их «жизненную» природу. Изменяются представления ученого и относительно пространственно-временной структуры социальной реальности. Отказываясь от идеи монолинейного прогресса и пытаясь «историзировать социальные науки», Валлерстайн для характеристики социальных процессов использует категорию *«время-пространство»* (*«TimeSpace»*)<sup>5</sup>, которую выводит из концепции множественности форм исторического времени Броделя и теории стохастического (нелинейного) развития диссипативных структур И.Пригожина.

Для Валлерстайна каждая историческая система обладает разнообразными институтами, через которые и совершается ее функционирование. При этом «все институты действуют одновременно и политически, и экономически, и социокультурно и не могут быть эффективными иначе». Исторические системы как фундаментальные объекты исследования Валлерстайн разделяет на две группы: «мини-системы» и «мир-системы» (или миросисте-

мы). По мысли социолога, анализу подлежат только мир-системы («*world-system*») – «крупные и устойчивые во времени единицы». Мир-система для социолога – «это *не* просто *мировая система*, а система, которая сама *есть мир* и которая фактически почти всегда была меньше, чем весь мир»<sup>6</sup>. Он делит мир-системы как изучаемые объекты на *мир-империи* – обширные политические структуры (например, Египет эпохи фараонов, Римская империя или Китай династии Хань) и *мир-экономики* – неравномерные цепи структур, основанные на торговле и производстве.

Таким образом, созданный Валлерстайном мир-системный анализ изменяет основания социально-гуманитарных исследований: «Меняются идеалы и нормы исследовательской деятельности: методы доказанности и обоснованности знания, его построение и организация строятся на основе конкретно-исторического материала. Обосновывается новая научная картина социального мира, появляется новый фундаментальный объект исследования – “исторические системы”. Наконец, изменяются философские основания социоэкономического исследования: онтологические основания представляются сеткой категорий: “мир-система”, “мир-экономика”, “мир-империя”, “время-пространство”, “время большой длительности”, “ядро”, “периферия”, “вековые тренды”, “геоистория”, “геокультура” и т. д.»<sup>7</sup>.

Подчеркивая значимость этого обстоятельства, следует иметь в виду европоцентричный характер мировой динамики Валлерстайна. Если Бродель писал о нескольких цивилизационно разных «мир-экономиках», независимо возникающих в Индии, Китае, Европе и на Арабском Востоке, то для Валлерстайна существует единственный, потенциально глобальный западный «мир-экономика», образовавшийся в период «долгого XVI в.» с 1450 по 1640 гг., расширивший поле своего распространения в эпоху европейских колонизаций, создавший «мир вокруг себя» и определивший вследствие дифференциации труда на международном рынке разделение мировой капиталистической системы на центр, полу-периферию и периферию.

Но такая интерпретация мирового развития плохо согласовывалась с историческими данными, на что обратили внимание последователи «линии Броделя» в мир-системном анализе А.Г.Франк и Б.Джиллс. Они выступили против идеи Валлерстайна о зарож-

дении капитализма в Европе и неизменном разделении мира на «центр», «периферию» и «полупериферию». Критикуя европоцентризм Валлерстайна, они доказывали, что смещение мировых центров с Востока на Запад произошло в период с 1250 по 1450 гг., охватывающий первый «вековой тренд» Броделя. По их мнению, новая европейская капиталистическая система возникла на периферии существующей восточной системы. Эту точку зрения сейчас разделяют многие современные сторонники мир-системного подхода, которые на основе большого конкретно-исторического материала относят существование восточной мир-системы в средние века и даже в эпоху бронзового века. В итоге оформился принципиальный поворот изучения истории человечества как глобальной целостности совсем в другом ракурсе: ракурсе противостоящего евроцентризму полицентризма исторического развития, связанного с периодическими смещениями «центров» мировой динамики. В работах П.Абу-Лахгод, С.Амина, Эдварда В.Саида, Б.Тернера, П.Кеннеди данное направление исследований получило название «реориентализма»<sup>8</sup>.

Некоторые идеи и результаты этих исследований способствовали уточнению и развитию «модернистской парадигмы» в социальных исследованиях, на основе которой сформировался так называемый модернистский подход. Как и другие (формационный, цивилизационный), он не является внутренне единым, а представляет сложную совокупность многочисленных теорий модернизации и постиндустриализма, находящихся между собой в отношениях конкуренции, но объединенных общим представлением о наступлении принципиально нового – постиндустриального или постмодернистского – этапа в развитии человечества<sup>9</sup>. Игнорируя пропагандируемую мир-системниками возможность смены полюсов мирового развития, они едины в негативном отношении к теориям локальных цивилизаций, предпочитая оперировать макроисторическими (макросоциологическими) категориями, выстраивая проекции исторического развития по линиям «аграрное – индустриальное – постиндустриальное общества» или «досовременное состояние – эпоха (общество) модернити – эпоха постмодернити (постсовременность)». Так, Э.Гидденс<sup>10</sup> считает, что эпоха модернити не сменяется сегодня какой-то новой стадией, но просто переживает радикализацию, связанную со становлением мировой

сети производственных и информационных структур. С ним солидаризируется П.Дракер, который фиксирует переход человечества в лице экономически развитых стран Запада и Японии в постиндустриальное состояние информационной цивилизации «третьей волны», для которой характерны рост ТНК, становление глобальной информсистемы как «нервной сети» человечества и «транснациональной сети» международных неправительственных организаций, которые будто бы в обозримом будущем вытеснят институт государства. На Западе приверженцами модернистского подхода являются Д.Белл, С.Крук, С.Лэш, а в России – В.Л.Иноземцев, А.Караганов и ряд других авторов.

Не имея возможности подробно анализировать достоинства и недостатки мир-системного и модернистского подходов к анализу древней, новой и новейшей истории человечества, замечу: картина мировой динамики будет более полной, если мы используем ключевые идеи этих парадигм в корпусе цивилизационного анализа, т. е. в контексте формирования, развития и конкуренции цивилизаций, наилучшей политической формой которых на протяжении многих столетий выступали «империи», в пределах которых формировались особые «мир-экономики». В этом случае становление и развитие «модернити», включая капиталистические формы хозяйствования, выступит как «культурное ядро» западноевропейской цивилизации с присущим ей и только ей синтетическим (антично-христианским) видением мира, человека и его места в мире, постепенно в ходе колониальных завоеваний распространявшей свое влияние на весь земной шар.

Однако современное доминирующее положение западноевропейской цивилизации, постепенно трансформировавшейся в евро-атлантическую и прошедшей в своем развитии *раннеиндустриальную, позднеиндустриальную и постиндустриальную стадии*, нельзя объяснить лишь территориальной, военной и политической экспансией составляющих ее колониальных империй, экономическое процветание которых во многом было достигнуто за счет внешних источников. Нынешнее эмпирически наблюдаемое разделение мира на страны экономически доминирующего «центра», «полупериферию» (Индия, Китай, Россия, новые индустриальные страны – НИС) и «периферию» (государства «третьего» и «четвертого» мира) было обусловлено не

только более высокими темпами экономического роста Запада, обеспеченными социокультурой модернити, но и ограничениями их собственного развития.

Последние имели объективный и субъективный характер. Объективные ограничения были исторически заданы «стартовыми возможностями» и социокультурными особенностями обществ, которым так и не удалось имплантировать «модернити» в тело своих культур. Субъективные – нежеланием правящих элит многих стран осуществлять модернизацию в форме «вестернизации», т. е. *инициировать изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем*, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с семнадцатого по девятнадцатый век, затем распространились на другие европейские страны, а в девятнадцатом и двадцатом веках – на южноамериканский, азиатский и африканский континенты. В каждой стране «второго эшелона развития» и в разные исторические периоды сочетание этих факторов имело свой особый характер. И это обстоятельство следует учитывать, обсуждая исторические особенности модернизации России.

Анализируя эти частью сохранившиеся до настоящего времени особенности развития России<sup>11</sup>, следует иметь в виду, что Петр I не собирался реформировать страну по европейским лекалам, вплоть до конца жизни у него даже не было сколь-либо продуманного плана действий: «Только разве в последнее десятилетие своей 53-летней жизни... у него начинает высказываться сознание, что он сделал кое-что новое и даже очень немало нового. Но такой взгляд является у него, так сказать, задним числом, как итог сделанного, а не как цель деятельности»<sup>12</sup>. Из багажа модернити он заимствовал (во многом формально) лишь одно политическое изобретение – структуры госуправления, формы организации промышленного производства (мануфактуры), армии и флота. Но Петр не собирался европеизировать Россию. Не собирались этого делать ни Елизавета, ни Екатерина, ни Александр I, реформа которого по проекту М.М.Сперанского была приостановлена запиской Н.М.Карамзина «О древней и новой России», в которой историк предупреждал против механического заимствования европейского опыта, могущего подорвать самодержавие.

Так что частично заимствовав из Европы системы организации науки и образования для дворян и части мещанства, импортировав в империю немало европейских ученых, Россия вплоть до второй половины XIX столетия по существу оставалась неграмотной и псевдоевропейской страной, опиравшейся в своем развитии не на инновации, а на традиции. Собственно модернизация начинается в России с реформ Александра II, **вернувшему общедоступность** и внесловность начального образования, самоуправление университетам и многое другое. Именно тогда, отмечают исследователи, «Запад становится для России образцом развития, идея приблизиться к нему – догоняющей моделью модернизации, индустриализацией, капитализмом – целью, которую надо выполнить»<sup>13</sup>. Но этот период длится недолго, и Россия вновь, если пользоваться терминологией А. Янова, проваливается в пропасть контрреформы, «деспотическую Московию» и очередное «особлячество от Европы», завершившиеся революциями и образованием СССР, который начал индустриальную модернизацию страны (индустриализацию) на принципиально новой экономической и политической основе и при определяющей роли государства.

\* \* \*

Оставляя в стороне давно известные факты того времени, заметим, что ведущая роль государства в процессе индустриализации – это не историческая особенность царской России и СССР, а характерная черта всех стран «второго эшелона» мирового развития, попытавшихся в конце XIX – **начале XX в. ответить** на вызов Запада и перейти к модели «догоняющего развития». Государства Восточной и Юго-Восточной Европы, Турция, Италия, Португалия, Испания, некоторые наиболее развитые страны Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Уругвай, Чили), Япония – вот страны, где так же, как и в России, *реакция правящих кругов* или тех, кто приходил им на смену в результате революций и войн, *на внешние угрозы и обстоятельства играла куда более важную роль в модернизации этих стран, чем внутренние импульсы к социально-экономическим и политическим преобразованиям*. Иными словами, *их модернизация носила неор-*

*границный (экзогенный) характер* и оказывалась возможной благодаря форсированному заимствованию готовых форм организации производства и социальной жизни у более развитых стран. Причем одной из стран второго эшелона, Японии, во второй половине XX в. удалось войти в группу стран первого эшелона, а кое в чем и превзойти их.

Разумеется, провозгласивший целью развития достижение социализма и коммунизма тоталитарный Советский Союз эпохи Сталина разительно отличался от многих современных ему государств догоняющего развития идеологией, тоталитарным характером власти и имперскими амбициями. Но не следует забывать и другое: *усиление роли государства в процессе догоняющей модернизации всегда сопровождалось установлением откровенно авторитарных режимов.* Так в 1920–1930 гг. было в Италии, Португалии, Аргентине, Японии, многих других странах, политические режимы которых получили название «авторитаризмов развития»<sup>14</sup>. Такие режимы обеспечивали как экономическими, так и административными методами существенное увеличение доли капиталовложений в ВВП, в том числе и за счет богатых слоев общества. Они проводили политику, направленную и на технологическую модернизацию существующей промышленности, и на создание принципиально новых для страны отраслей хозяйства, обеспечивали условия для подготовки соответствующей рабочей силы, создавали национальные системы образования и научных исследований<sup>15</sup>. При этом «авторитаризмы развития» использовали не только репрессии, осуществляя «принуждение к прогрессу». Они опирались на идеологию, обеспечивавшую общественный консенсус: социум или по крайней мере его наиболее активная часть соглашалась обменять политические свободы на рост материального благосостояния и расширение возможностей вертикальной социальной мобильности. Другими словами, «авторитаризм развития», с одной стороны, отбраковывал несправлявшихся с работой людей, а с другой – открывал перспективы, в том числе и для выходцев из социальных низов, сделать карьеру честным трудом, благодаря способностям и усердию. Это наглядно проявилось в ходе ускоренных модернизаций в НИСах Азии, а сегодня наблюдается в Китае и Вьетнаме, где принцип меритократии восходит к конфуцианской традиции.

Конечно, в Советском Союзе, перед лицом грядущей войны предпринявшем в 1930-х гг. попытку ускоренной индустриализации, «принуждение к прогрессу» осуществлялось мобилизационными, недопустимо жесткими и жестокими средствами. Но, вынося за скобки вопрос о «цене прогресса», следует признать: к началу 1960-х гг. СССР вошел в обойму индустриально развитых стран мира. Правда, его замкнутый на «оборонку» индустриальный потенциал имел однобокий характер, административно – командная экономика была крайне неповоротливой и в среднесрочной перспективе не могла конкурировать с ведущими экономиками Запада. Но правда и то, что в 1960-е гг. Советский Союз имел лидирующие позиции в ключевых областях науки и, по оценкам экспертов США, обладал лучшей в мире системой образования. Поэтому если бы смена или хотя бы перестройка по китайской модели общественно-экономического строя произошла лет сорок назад, сегодня Россия, безусловно, входила бы в число экономически развитых стран мира.

Однако история не знает сослагательного наклонения: вместо «вестернизации» и даже политики «догоняющего развития» в СССР наступил «застой», суть которого заключается в том, что *социалистическое государство перестало быть «государством развития»*. Причина этого кроется не в характере общественно-политического строя, как принято думать, а в ряде субъективных факторов, прежде всего в догматизме и необразованности политического руководства страны и его клеветов. Общественно-политический строй и характер политического режима в отношении экономической модернизации амбивалентны: они могут либо способствовать, либо препятствовать ей. Пример современного Китая – лучшее тому подтверждение. А во второй половине XX в. впечатляющие примеры догоняющей индустриальной модернизации дали военно-полицейские режимы ведущих стран Латинской Америки, так же, как СССР, поставившие себе цель «догнать США». Особенно успешной была Бразилия.

Выдвигая планы превращения страны в великую державу, модернизаторы Бразилии в военных мундирах и их единомышленники в гражданских костюмах активно использовали в ходе преобразований мощь государственных предприятий, принимали долгосрочные программы развития разных отраслей и

инфраструктуры. Причем смена конкретных лиц у руля власти не отменяла преемственности в выполнении этих программ. Но главное – *военно-бюрократический авторитаризм сделал ставку на развитие науки и новых технологий*. Чтобы стимулировать технический прогресс и инновации, правительство проводило политику ускоренной амортизации оборудования. Дополнительные инвестиции в инновации освобождались от налогов, частным фирмам предоставлялись также специальные субсидии и кредиты для инновационной деятельности. Именно при военном режиме крупные фирмы стали создавать у себя научно-исследовательские и опытно-конструкторские подразделения. Быстро увеличивалось число научных институтов и центров, которые занимались технологическими разработками и подготовкой кадров специалистов. В стране удалось создать основы аэрокосмической индустрии и ядерную энергетику, разработать уникальную технологию получения моторного топлива из тростника, наладить выпуск отечественной электронно-вычислительной техники.

Успехи в последней области особенно впечатляющи. В 1972 г. при Министерстве планирования и координации была организована Комиссия по деятельности в области электроники (КАПРЭ). Одним из важнейших результатов ее работы стало начало производства в 1974 г. собственных ЭВМ в Бразилии на предприятии «Кобра». Спустя два года был принят специальный Закон об информатике, регулировавший деятельность фирм, научных центров и самого государства по развитию электронной промышленности и программного обеспечения ЭВМ. В итоге уже в 1979-м, всего через три года после появления первого персонального компьютера «Эппл» Джобса и Возняка в США, бразильские инженеры Э.Френьи и Й.Манастерски из университета штата Сан-Паулу создали первую бразильскую «персоналку».

Тогда же вместо КАПРЭ под эгидой могущественного Совета по национальной безопасности появился Секретариат по электронике и информатике (СЭИ) с более широкими полномочиями, чем у его предшественницы. Он должен был контролировать импорт, выдавать разрешения местным производителям выпускать электронную технику, регулировать её закупки государственными предприятиями и учреждениями.

Усилия СЭИ не пропали даром. С 1975 по 1986 год доля компьютеров, произведенных в стране фирмами под контролем национального капитала, возросла с 5 до более чем 75 %. С 1979 по 1984 г. число фирм, занятых производством микрокомпьютеров, возросло с 2 до 33. По темпам внедрения электронной техники и информатизации Бразилия в начале 1980-х гг. не уступала многим развитым странам Западной Европы, в ней было сосредоточено более половины парка компьютеров всего континента. В середине 1980-х бразильские фирмы выиграли тендер за право автоматизировать банковскую сеть в соседней Аргентине. Правда, другим латиноамериканским странам не удалось даже близко приблизиться к уровню, достигнутому Бразилией в конце 1970 – начале 1980-х гг. в области электронно-вычислительной техники и программного обеспечения<sup>16</sup>.

Не удалось этого сделать не только СССР, но и современной России, которая, как с удивлением отметил Д.А.Медведев, по уровню и качеству современных высоких технологий находится в числе аутсайдеров среди индустриальных стран мира<sup>17</sup>. Что делать?

\* \* \*

Прежде всего следует взглянуть правде в глаза и признать, что начиная с 1991 г. Россия не только не приумножила свой промышленный ресурс, но в значительной степени его потеряла. В то время как, невзирая на кризисы, страны НИС («азиатские тигры»), Бразилия, Индия, Китай и др. продолжали неуклонно двигаться по пути догоняющего развития, модернизируясь на собственной культурной основе, *Россия за последние 15 лет пережила деиндустриализацию и еще больше отстала от них.*

В настоящее время наша страна живет за счет экспорта сырьевых ресурсов, а не за счет производства и экспорта высоких технологий и высокотехнологичной продукции. Для сравнения в США экспорт высокотехнологичных производств и самих технологий составляет 95 % от его общего объема. А поступления в бюджет от прогрессивных технологий, особенно высокотехнологичных производств, продажи наукоемких продуктов на внутренних и внешних рынках составляют около 90 %. И тот факт, что в обозримом

будущем страны НИС, Китай, Индия, Мексика, другие государства «второго эшелона развития» и близко не смогут приблизиться к этому показателю, нас утешить не может.

Но более всего удручает недалковидность руководства страны, которое, постоянно декларируя необходимость отказа от углеводородной иглы и перехода к инновационному развитию, *не имеет государственной программы развития науки и даже не собирается увеличивать ее финансирование*. Так, в относительно благополучном 2007 г. расходы на науку, включая оборонные, составляли примерно 1,07 % ВВП. Это при том, что абсолютная величина ВВП России была примерно в два с половиной раза ниже, чем в Китае, и примерно в шесть раз ниже, чем в США<sup>18</sup>. В список развитых стран Россия, согласно Индикаторам науки и техники, не входит, а среди крупных развивающихся стран (Китай, Индия, Мексика, Бразилия, Индонезия) она в 2007 г. занимала четвертое место<sup>19</sup>.

Теперь, судя по всему, в 2010-м это отставание не уменьшится: ведь на науку гражданского назначения государство потратит всего 159 млрд. рублей (95,5 % от уровня 2009 г.). При этом финансирование АН РФ будет урезано: Российская академия наук, сообщает «Российская газета», получит от государства около 31,5 млрд. рублей, что на 3,5 млрд. меньше, чем в прошлом<sup>20</sup>. Как известно, средний американский университет финансируется так же, как вся наша академия. И вот даже эти скромные деньги сокращаются. Кстати, ведущие страны поступают как раз наоборот: именно в кризис увеличивают вложения в науку, так как уверены, что только она способна найти эффективные способы выхода из кризиса<sup>21</sup>.

Но у нас, как водится, собственный российский путь. Судя по всему, политическое руководство страны вполне сознательно урезает бюджет академии, так как вслед за системой образования, реформа которой провалена, оно решило перестроить и организацию научного поиска. В последний день 2009 г. президент Дмитрий Медведев создал рабочую группу во главе с Владиславом Сурковым и тремя иностранными специалистами по созданию «обособленного комплекса для развития исследований» – российский аналог американской «кремниевой долины». Дело хорошее. Любопытно, однако, что на вопрос корреспондента, каковы начальные условия для возникновения этого «инно-

вационного чуда», Сурков ответил: «Первое – дерзость, вера и воля». А отечественные вузы и академические институты отнес к числу третьего по счету факторов. И это неудивительно, поскольку этот, как его назвал сам Сурков, «остров фантазий» будут создавать иностранцы: «Они сами скажут, что им нужно. Останется только исполнить. Нам нужна новая “Немецкая слобода”. Нам критически необходимо, чтобы сюда проникала более высокая культура производства, технологий и исследований – вместе с живыми ее носителями»<sup>22</sup>.

Ну, что же – за умом ходить к иностранцам нам со времен Петра не привыкать. Но рассчитывать всерьез на то, что «заграница нам поможет», не следует. Какие бы импортные технологии мы ни покупали, они не будут «завтрашними», ибо никто не желает плодить собственных конкурентов. А технологии сегодняшнего дня к моменту их запуска в производство с неизбежностью будут вчерашними. Поэтому прогрессивные и особенно высокие технологии и создаваемые ими наукоемкие высококонкурентные товары, так же как инновационный сектор экономики, можно создать лишь на основе собственной науки, собственных опытно-конструкторских разработок, собственных технологических проектов. Для этого наша наука и наше образование нуждаются в мощных инвестициях.

## Примечания

- <sup>1</sup> Павловский Г. Инновационная власть пытается соблазнить экономику // Русский журн. 2010. № 46–47. С. 2. Кстати, статья гл. редактора Павловского в этом номере – не исключение: весь номер посвящен теме «прогрессизма», с которым, собственно, и отождествляется отечественная модернизация.
- <sup>2</sup> Там же.
- <sup>3</sup> Рябов А. Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради. Working paper. М., 2008. № 4. С. 4.
- <sup>4</sup> См.: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории: Сб. пер. / Под ред. И.С.Кона. М., 1977. С. 115–142.
- <sup>5</sup> Wallerstein I. The TimeSpace of World-Systems Analysis: A Philosophical Essay // Historical Geography. 1993. Vol. XXIII. № 1/2. P. 5–22.
- <sup>6</sup> Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006. С. 211.
- <sup>7</sup> Хакимов Г.А. Мир-системный анализ динамики капитализма: смена парадигм и поиск альтернатив // Филос. науки. 2008. № 4. С. 139.

- 8 Оно возникло не на пустом месте, а было, как отмечает Ионов, подготовлено рядом крупных историко-экономических и историко-культурных изысканий, получивших воплощение в трудах П.Бэрока, Дж.Блаута, Б.Вонга, М.Льюиса, У.Кара, У.Роу, Д.Фроста, К.Н. и С.Чаудхури, Э.Этмана и др. См.: *Ионов И.Н.* Глобальная история и история мировых цивилизаций. М., 2003. С. 24–25.
- 9 Более подробно о специальных различиях теорий модернизации и постиндустриализма см.: *Иноземцев В.Л.* Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 3–66.
- 10 См.: *Гидденс Э.* Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 101–122.
- 11 К их числу следует отнести элементы архаики – социально-психологические архетипы общественного сознания и поведения, выражающиеся в социальной практике чиновных «кормлений», лишении домовладельцев земли, скупке богатыми земель вместе с населяющими их людьми, ставке на силу и привилегии. Эти и некоторые другие виды социальной практики, показывают исследователи, взаимосвязаны и несовместимы с индустриальным характером развития РФ. (Подробнее см.: *Рябов А.* Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради. Working paper. М., 2008. № 4. С. 4–5.)
- 12 *Ключевский В.О.* Курс русской истории: Полн. изд. в 1-м т. М., 2009. С. 880.
- 13 *Федотова В.Г.* Российская история в зеркале модернизации // Вопр. философии. 2009. № 12. С. 15.
- 14 Очевидно, далеко не все авторитарные режимы проводили модернизации в своих странах. Необходимо, таким образом, четко различать традиционный авторитаризм и авторитаризм модернизаторский, помня в то же время и о «промежуточных вариантах», которые несут в себе черты их обоих. См. подробно: Авторитаризм развития: Генезис, функции, перспективы («круглый стол») // МЭиМО. 2005. № 5. С. 41–53; № 6. С. 92–105.
- 15 Последнее, как правило, делалось не на начальных этапах модернизации, а после достижения некоего уровня промышленного развития.
- 16 Подробнее см.: *Красильщиков В.А. (рук.), Белоусов А.Р., Гутник В.П., Клепач А.Н., Кузнецов В.И.* Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 59–65.
- 17 Выступая на первом заседании Совета по развитию информационного общества при президенте, он в частности сказал: «В соответствующих международных рейтингах Россия занимает (я сам, когда смотрел материалы, удивился) даже не 20–30-е, а 70–80-е места! Это притом, что у нас очень высокий в целом исторический интеллектуальный потенциал, интерес к этой сфере, масса программистов. Отставание от стран-лидеров не уменьшается, а, как это ни парадоксально в условиях, казалось бы, развития экономики и в целом улучшения жизни, наоборот, нарастает. Вот по индексу развития так называемого электронного правительства мы были в 2005 г. на 56-м месте, а в 2007 г. достигли 92-го. О чём это говорит? Это говорит о том, что у нас никакого электронного правительства нет, всё это – химера. В рейтинге готовности стран

- к сетевому миру (есть такой рейтинг) мы тоже на “почётном” 72-м месте» (Стенографический отчёт о заседании Совета по развитию информационного общества. 12 февр. 2009 г. Москва. Кремль. Постоянный адрес: <http://www.kremlin.ru>).
- 18 Для сравнения: по данным самого полного из издающихся в мире справочников американских «Индикаторов науки и техники. 2008» (**Science and engineering indicators. 2008**), **государственная поддержка науки, исчисляемая в процентах по отношению к национальному ВВП**, выглядела так: США (2006) – 2,57, Израиль (2005) – 4,71, Швеция (2005) – 3,86. Финляндия (2006) – 3,51, Япония (2004) – 3,18, Южная Корея (2005) – 2,99, Германия (2005) – 2,51, Франция (2005) – 2,13, Великобритания (2004) – 1,73, Китай (2005) – 1,34.
- 19 См.: Ранжирование развивающихся стран по экспорту высокотехнологичной продукции // Индикаторы науки и техники. 2008 (<http://www.nsf.gov/statistics/seind08.tables.htm>).
- 20 *Медведев Ю.* Математики вошли в минус. Финансирование РАН в 2010 году существенно сократится // Российская газета (Федерал. вып.). № 5072 от 24 дек. 2009 г.
- 21 В дополнение к уже выделенным десяткам и сотням миллиардов долларов, Президент США предложил Конгрессу в 2009 г. выделить ещё 21 млрд. долл., из них: на развитие системы здравоохранения, медико-биологических исследований – 10 млрд. долл. (на Национальные институты здоровья); на расширение фундаментальных исследований – 3 млрд. долл. Также значительные суммы выделяются на развитие национальных лабораторий и их переоснащение научным оборудованием, на научные исследования в сфере энергетики и минимизации энергоёмкости общественных зданий, на проведение исследований по совершенствованию транспортных систем и т. д. Политика Обамы встретила полное понимание в Конгрессе США. Спикер палаты представителей Нэнси Пелоси заявила, что слова «наука, наука, наука» должны стать «лейтмотивом Демократической платформы». Цит. по: *Беляева С.* Спасибо за стимул! // Поиск. 2009. 6 марта. С. 22.
- 22 *Сурков В.* Чудо возможно. // Ведомости. 2010. 14 февр. С. 4.